

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.759-773>

EDN: IDVWDB

Этногенез чувашей в трудах Н.И. Воробьева: особенности трактовки

В.П. Иванов

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Российская Федерация
human2000@yandex.ru*

Резюме. В статье рассматривается вклад профессора Н.И. Воробьева в научное изучение сложных аспектов этногенеза чувашского народа. Ученый по праву считается одним из видных исследователей проблемы происхождения чувашей. Будучи одним из руководителей и авторов первого тома коллективной монографии «Чуваши. Этнографическое исследование. Часть первая» (1956 г.), Н.И. Воробьев изложил в ней свою т.н. «автохтонную теорию» этногенеза чувашей, как о народе в основе своем финно-угорском, но с тюркским болгарским языком. В статье освещаются не всегда однозначные взгляды ученого на происхождение чувашей, изложенные им в публикациях 1930, 1950, 1953 гг. Отмечается, что в то время как немало ученых в начале научных поисков придерживались концепции финно-угорского происхождения чувашей, а впоследствии заняли позицию Н.И. Ашмарина, то Н.И. Воробьев изначально скорее склонялся болгарской теории, а уже позже стал автохтонистом. Указывается, что одним из слабых мест в трактовке ученым вопросов этногенеза являлось игнорирование фактора их языка болгарского типа. Для Н.И. Воробьева главным основанием для суждений о происхождении чувашей служила материальная и отчасти духовная культура, которая имела очень много общего с марийской. В статье указывается также на тот факт, что ученый не обратил внимание на фактор языческой религии в этнической истории чувашей. Вместе с тем следует отметить, что в поисках истоков чувашского народа он довольно широко привлекал материалы из известных археологических памятников Чувашского края. Особое внимание в статье уделено освещению критических оценок взглядов Н.И. Воробьева со стороны чувашских историков – В.Ф. Каховского и В.Д. Димитриева.

Ключевые слова: этногенез, болгары, чувашы, финно-угры, автохтонная и болгарская теории, Чувашский край.

Для цитирования: Иванов В.П. Этногенез чувашей в трудах Н.И. Воробьева: особенности трактовки. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 759–773. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.759-773> EDN: IDVWDB

Ethnogenesis of the Chuvash in the works of N.I. Vorobyev: peculiarities of interpretation

V.P. Ivanov

*Chuvash State Institute of Humanities
Cheboksary, Russian Federation
human2000@yandex.ru*

Abstract. The article examines the contribution of Professor N.I. Vorobyev to the scientific study of complex aspects of the ethnogenesis of the Chuvash people. The scientist is rightfully considered one of the prominent researchers of the problem of the origin of the Chuvash. Being one of the leaders and authors of the first volume of the collective monograph "The Chuvash. Ethnographic research. Part One" (1956), N.I. Vorobyev outlined in it his so-called "autochthonous theory" of the ethnogenesis of the Chuvash, as a people based on Finno-Ugric, but with the Turkic Bulgarian language. The article highlights the scientist's not always unambiguous views on the origin of the Chuvash, as set out by him in publications of 1930, 1950, 1953. It is noted that while many scientists at the beginning of scientific research adhered to the concept of the Finno-Ugric origin of the Chuvash, and subsequently took the position of N.I. Ashmarin, N.I. Vorobyev initially rather inclined to the Bulgarian theory, and only later became an autochthonist. It is pointed out that one of the weak points in the scientist's interpretation of the issues of ethnogenesis was the ignoring of the factor of their Bulgarian-type language. For N.I. Vorobyev, the main basis for judgments about the origin of the Chuvash was the material and partly spiritual culture, which had a lot in common with the Mari. The article also points to the fact that the scientist did not pay attention to the factor of pagan religion in the ethnic history of the Chuvash. At the same time, it should be noted that in search of the origins of the Chuvash people, he quite widely attracted materials from famous archaeological sites of the Chuvash region. Special attention is paid in the article to the coverage of critical assessments of N.I. Vorobyev's views by Chuvash historians V.F. Kakhovsky and V.D. Dimitriev.

Keywords: ethnogenesis, Bulgars, Chuvash, Finno-Ugrians, autochthonous and Bulgarian theories, Chuvash region.

For citation: Ivanov V.P. (2024) Ethnogenesis of the Chuvash in the works of N.I. Vorobyev: peculiarities of interpretation. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 759–773. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.759-773> (In Russ.)

По признанию практически всех исследователей, связанных с изучением истории чувашского народа и его культуры, постижение истины дается с невероятным трудом. Этногенетические истоки чувашей лежат в весьма глубоких пластах истории, они нерасторжимо и порой причудливо переплетены с корнями многих других народов. Основным предметом споров продолжает оставаться болгарская теория происхождения чувашей. На основании многочисленных исторических, культурных и языковых данных большинство исследователей признают чувашей потомками болгарских и суварских племен, появившихся на Средней Волге в VII–VIII вв. (Чуваши, 2017: 11–14).

Одним из видных исследователей проблем этногенеза чувашского народа по праву считается казанский этнограф Н.И. Воробьев. В изданной в 1956 г.

монографии «Чуваши. Этнографическое исследование. Часть первая», подготовленной коллективом авторов под руководством доктора исторических наук, профессора Н.И. Воробьева, лично им был написан краткий обзор истории изучения чувашского народа, очерк по истории формирования этноса, раздел о природных условиях места его обитания. Для тех, кто вовлечен в проблематику этногенеза чувашей, по сей день особый интерес представляют взгляды Н.И. Воробьева на специфику происхождения этноса, изложенные им в разделе «Формирование народа, его культуры и быта» (Чуваши, 1956: 23–44). Исследование этнографии чувашей, древности их истории проводилось во время экспедиций 1949–1953 гг., которые осуществлялись Чувашским НИИ языка, литературы и истории и Чувашским краеведческим музеем при содействии и участии Казанского филиала АН СССР под научным руководством профессора Н.И. Воробьева. За его огромный вклад в изучение этнографии народа чувашские ученые не перестают выражать ему свою благодарность (Чуваши, 2009, Т. 1: 16).

Нас интересуют взгляды Н.И. Воробьева по вопросу этногенеза чуваш, его «автохтонная теория» происхождения народа. Как отмечает известный исследователь проблемы этногенеза чувашей В.Ф. Каховский, «в основе этой теории лежала мысль о том, что определяющим этническим компонентом чувашской народности являлось местное финно-угорское население, которое испытывало культурное и языковое влияние со стороны пришлых тюркоязычных племен. При этом формирование двух этнографических групп чувашского народа отнесли к доболгарскому периоду, рассматривая процесс их сложения изолированно друг от друга. Эта точка зрения последовательно проводилась и в коллективном труде «Чуваши», написанном под общей редакцией Н.И. Воробьева. Авторы этого историко-этнографического исследования также утверждали, что «чувашаи как народность сформировались на месте своего современного обитания из местных первобытных племен, занимавшихся мотыжным земледелием, имевших небольшое по размерам скотоводство, а также являющихся охотниками». Что касается пришлых болгарских племен, то их роль в этногенезе чувашей будто бы сводилась, главным образом, к языковому влиянию на аборигенов. По утверждению Н.И. Воробьева, болгарские племена только в XIV–XV вв., в связи с разорением центральных областей Болгарского государства, стали переселяться в лесные районы между Волгой и Свиягой» (Чуваши, 1970: 297).

Надо признать, что Н.И. Воробьев буквально на 12 страницах первого тома «Чуваши» (1956 г.) осуществил великолепную академическую аналитику вопроса происхождения чувашей на основе научного материала, имевшегося к тому времени. Ученый кратко и объективно раскрыл общеизвестную историографию проблемы:

Н.И. Ашмарин заложил основы болгарской теории происхождения чуваш. Она была выдвинута ориенталистом Н.И. Ильминским взявшим за основу мысль Х. Файезханова о сходстве некоторых слов в болгарских эпитафиях XIV в. с чувашскими. Эту теорию поддержи-

вал академик Куник, позднее А.А. Шахматовой другие ученые. В первое десятилетие после Октябрьской революции эту теорию искаженно использовали чувашские буржуазные националисты. Новейшие археологические, этнографические, антропологические и лингвистические материалы позволяют более обоснованно подойти к решению вопроса о происхождении чувашской народности. Чуваши как народность сформировались на месте своего современного обитания из местных первобытных племен... На эти племена оказали большое влияние, особенно языковое, пришлые из южных и юго-восточных степных областей племена кочевников-скотоводов... Вопрос о первобытных племенах – предках чуваш – весьма подробно рассмотрен в работах П.Н. Третьякова, и в работах на ту же тему А.П. Смирнова. На данных этих работ мы в основном и опираемся в изложении вопроса о первоначальном периоде формирования чувашского народа (Чуваши, 1956: 27).

Как нам представляется, вступив в дискуссию по указанной проблеме, Н.И. Воробьев допустил одну «непростительную» ошибку, что, конечно же, до сих пор ему «аукается» в публикациях чувашских авторов (Димитриев, 2004: 12). Дело в том, что Н.И. Воробьев сделал обычно не принятое в научном сообществе категоричное заявление:

При рассмотрении вопроса о формировании чувашской народности **надо решительно** (выделено нами – В.И.) отбросить выдвигавшиеся до революции «теории» о том, что чуваши пришли на место своего современного обитания с какой-то прародины в уже сформировавшемся в народ виде, имеющими свое современное имя, тот же язык и основу той культуры, которая известна у них в течение двух-трех последних столетий (Чуваши, 1956: 26).

В одной из самой первой значительной работе «Материальная культура казанских татар (1930 г.) Н.И. Воробьев был не прочь придерживаться основной линии теории Н.И. Ашмарина, хотя, в действительности, он скорее держался нейтральной позиции. Отмечая, что среди болгар, кроме собственно них, были и другие группы (эсегель, берсула и др.), Н.И. Воробьев отсылает читателя к мнению Н.И. Ашмарина:

Однако, так как все эти названия по-видимому служили для отличия различных частей одного и того же народа лишь по местам, ими занимаемым, по именам некоторых рек и урочищ, т.е. в чисто географическом отношении, то позволительно думать, что, племенные отличия этих групп могли быть весьма незначительны». По вопросу, кто такие были болгары в этническом отношении, существует ряд теорий, из которых наибольшим успехом в настоящее время пользуется теория о том, что болгары были предками современных чуваш (Воробьев, 1930: 17).

На определенные метания Н.И. Воробьева касательно этногенеза чувашей обратили внимание чувашские ученые. «Ряд этнографических параллелей между чувашским и татарским народами установил Н.И. Воробьев, который в своих ранних этнографических исследованиях стоял на точке зрения болгарского происхождения чувашского народа» (Каховский, 2003: 42).

По прошествии двух десятков лет в своем монументальном труде «Казанские татары» (1953 г.) Н.И. Воробьев отчетливо утверждает, что предками чувашей были племена правобережья Волги.

Булгарское население южной части Волго-Свияжского междуречья, к которому присоединялись болгары, перешедшие во время монголо-татарского завоевания с левого берега Волги, в некоторой своей части ушло дальше к северо-западу, в лесные районы бассейна рек Цивиля и Суры. Здесь эта группа тесно сблизилась с местными племенами – **предками современных чуваш** (выделено нами – В.И.) (Воробьев, 1953: 15).

В сущности, в разделе «Формирование народа, его культуры и быта» тома «Чуваши» (1956 г.) Н.И. Воробьев изложил практически несколько препарированные собственные основные концептуальные положения, опубликованные им еще в 1950 г. в статье «Этногенез чувашского народа по данным этнографии» в журнале «Советская этнография» (Воробьев, 1950). В то же время очевидно, что в томе «Чуваши» Н.И. Воробьев существенно расширил круг материалов по археологии Чувашского края. При этом, в отличие от классических этнографов, обычно игнорирующих археологические памятники, он впервые в истории исследования прошлого чувашей, ввел в научное обсуждение уже известные на тот период археологические культуры палеолитического и неолитического эпох, памятники фатьяновской, абашевской, срубно-хвалынской, позднегородецкой культур. Н.И. Воробьев пытался связать происхождение предков чувашей с этими культурами, в особенности с абашевскими.

В северной и северо-западной части территории Чувашии имеются также многочисленные языческие кладбища XVI–XVIII вв. (*кивё сйва*). Раскопки некоторых из них дают остатки женских костюмов, имеющих некоторые особенности, сближающие их со старинной одеждой местного чувашского населения и марийской. Встречающиеся здесь многочисленные старинные «кереметища» близки к таковым же на марийской территории. Это говорит о том, что с древнейших времен население севера и особенно северо-запада ЧАССР было связано с населением смежных, лесных районов, расположенных к западу, северу и частично востоку. Возможно, что, **начиная с абашевцев** (выделено нами – В.И.) тянется непрерывная культурная цепь до современного населения (Чуваши, 1956: 30).

Н.И. Воробьев был приглашен правительством Чувашской АССР для научного руководства подготовкой первого тома «Чуваши», скорее всего, на основании того факта, что он в 1953 г. издал академически безупречно написан-

ную монографию «Казанские татары». При этом никаких особых указаний от вышестоящего республиканского начальства по вопросу трактовки этногенеза чувашей Н.И. Воробьев не получил. По крайней мере, на этот счет нет соответствующих документов. Пospорить с профессором по концептуальным вопросам этногенеза чувашей местные историки не осмелились, в республике на тот момент еще не было сколько-нибудь достойных с ним по научному уровню специалистов-этнографов. Но основная часть чувашских ученых, прежде всего, языковедов, крепко держалась ашмаринской позиции по болгарскому происхождению чувашей. Один из первых основательных научных популяризаторов этнической истории чувашей М.П. Петров (псевд. *Тинехпи*) – яростный сторонник концепции о чувашах, как прямых потомках болгаро-суварских племен, написавший в 1925 г. добротный труд «О происхождении чуваш», еще в 1938 г. умер в тюрьме, будучи обвиненным в «буржуазном национализме».

Первым фундаментальным комплексным исследованием проблематики этногенеза чувашей стала монография В.Ф. Каховского «Происхождение чувашского народа», в которой впервые был обобщен и проанализирован значительный историко-этнографический и археологический материал (Каховский, 1963; 1965; 2003). Комплексный характер работы заключается, прежде всего, в одновременном сочетании анализа археологических данных, в результате чего ученый пришел к однозначному выводу о болгаро-суварском происхождении чувашей.

Между тем один из соратников В.Ф. Каховского чувашский историк В.Д. Димитриев полагает, что, согласно выводам исследований последнего времени, некоторые положения основного труда В.Ф. Каховского нуждаются в коррекции. «Он, как в свое время известный советский археолог А.П. Смирнов, ограничивал формирование чувашского этноса территориальными рамками нынешней Чуваши» (Димитриев, 2004: 32), что, конечно же, не корректно с научной точки зрения.

Главный вывод Н.И. Воробьева по вопросу «Кто есть чуваш?» им был сформулирован еще в 1950 г. (Воробьев, 1950). В целом, он имеет научно достоверный характер. Ученый, во-первых, обратил внимание на переоценку сторонниками ашмаринской концепции фактора болгарского языка. Во-вторых, на примере чувашей он указал на необходимость учета неоднозначного характера процесса этногенеза любого народа.

Имеется достаточно данных говорить совершенно определенно, что чувашский народ, как и все другие народы края, формировался здесь на месте из различных как местных, так и пришлых компонентов, которые, тесно сближаясь между собой, претерпевая сложные изменения в процессе развития народа, и дали современную культуру чувашей. Можно с достаточной уверенностью говорить, что в основе быта чувашей, прежде всего, лежат чисто местные корни – культура издавна обитавших в крае племен, а также не менее древние бытовые формы пришельцев из южных степных пространств. На эти древние

корни позднее наслоились влияния восточнофинские (марийские и мордовские) и тюркские (от татар Поволжья). ... Таким образом, в период XII–XIV вв. и смогло произойти то тесное сближение местных племен с булгарами, которое привело к созданию чувашского народа, с его в основном тюркским языком, со значительным количеством южных бытовых форм. Но, несмотря на это, у него осталось также немалое число древних местных элементов, сближающих чувашей с финскими народами (Воробьев, 1950: 67–68).

По мнению В.Д. Димитриева, встречающиеся в литературе сообщения о том, что якобы существуют гипотезы или даже теории о финно-угорском и другом происхождении чувашского народа, не имеют фактической основы. «На самом деле таких гипотез фактически не было. Есть только высказывания отдельных авторов XVIII–XX вв., сделанные созерцательно, но не путем исследования фактов. Подобие гипотезы имеется лишь у В.А. Сбоева и М.Г. Худякова» (Димитриев, 2004: 12). Такая радикальная постановка обсуждаемого вопроса не может не вызывать возражения.

Немало ученых в начале собственных поисковых исследований этногенеза чувашей придерживались концепции автохтонного происхождения чувашей и впоследствии заняли позицию Н.И. Ашмарина. Н.И. Воробьев изначально скорее склонялся к теории болгарского происхождения чувашей, а позже стал автохтонистом. Известный московский археолог А.П. Смирнов первоначально тоже пребывал в партии автохтонистов, являлся сторонником финно-угорского происхождения чувашей. 21–22 мая 1956 г. в Чебоксарах состоялась научная сессия, посвященная вопросам происхождения чувашского народа. Одним из двух основных докладчиков выступил ведущий археолог-булгаровед А.П. Смирнов с темой «Археологические памятники Чувашии и проблема происхождения чувашского народа». По его мнению, пришельцы-булгары ассимилировали местное финно-угорское население, а пришлый тюркский язык стал господствующим. Суть дискуссии на сессии сводилась к вопросу о том, какой компонент оказался решающим в формировании чувашей – финно-угорский или болгарский. В 1956 г. ученый еще сомневался в болгарском происхождении чувашей и высказывался как сторонник автохтонности народа: «Приведенные мной археологические материалы свидетельствуют о близости предков современных мари и чуваш»¹.

Как известно, П.Н. Третьяков придерживался мнения о том, что этнографические группы чувашей – верховые (*вирьял*) и низовые (*анатри*), имеют различное происхождение (Третьяков, 1950). Н.И. Воробьев на этот счет высказал собственные предположения, хотя и не отвергающие в полной мере утверждения П.Н. Третьякова: «Сколько-нибудь серьезное освоение юго-востока Чувашии булгарами, как уже нами отмечалось, началось не ранее XII века, и наибо-

---

¹ Каховский Б., Михайлов Е. У истоков чувашской археологии // Республика. № 23. 11 июня 2024. С. 6.

лее интенсивным оно стало с конца XIII века, уже после монголо-татарского разгрома Булгарии. Поскольку основному разорению со стороны монголо-татар подвергались закамские земли Булгарии, то значительная часть населения оттуда бежала не только в лесные земли Предкамья, но и на правобережье Волги, усилив там болгарский элемент. ...Часть болгар, переселившаяся на Правобережье, вместе с жившими там ранее родственными племенами и составила то население, которое известно по археологическим данным в юго-восточных районах ЧАССР, и, возможно, носило имя **сувазов** (выделено нами – В.И.).

Во второй половине XIV века сравнительно мирному периоду жизни Булгарии был положен конец. Ее территория подвергается разгрому Булат Тимура, и войсками Тамерлана, и походами русских князей, и набегами кочевников. ...Обезлюжены были также и южные земли правобережья, в том числе юго-восточные районы Чувашии. Об этом говорит и тот факт, что в названных районах надмогильных камней позже конца XIV века уже не встречается. По мере того, как население закамских болгарских земель в период падения Булгарского государства переходило в Предкамье и частично на правый берег Волги, расселяясь в лесных районах между Волгой и Свиягой, аборигены лесостепных районов, к западу от Свияги, принуждены были уходить к северу» (т.е. в зону расселения горных марийцев – В.И.) (Чуваши, 1956; 35).

Интересен один факт научных исканий В.Ф. Каховского, о котором в 2004 г. публично поведал его соратник, известный чувашский историк и стойкий ашмаринист В.Д. Дмитриев.

В конце 1956 г. в беседе между Н.И. Воробьевым, В.Ф. Каховским и нами (В.Д. Дмитриевым) Василий Филиппович, как и Николай Иосифович, придерживался гипотезы автохтонного этногенеза чувашей. Тогда нами было ему предложено: «Примитесь за написание докторской диссертации о происхождении чувашского народа. Так и выясните: автохтонами являются чувашаи или потомками волжских болгар». Вскоре В.Ф. Каховский принялся за исследование этой важнейшей проблемы, пришел к противоположным своему первоначальному представлению объективным выводам и в 1963 г. выпустил монографию «Происхождение чувашского народа». Однако из-за ухудшения в то время отношений с Китаем власти признали, что писать о древних этнических связях предков чувашей с китайцами не следует, и весь тираж книги пустили под нож. В 1965 г. книга В.Ф. Каховского была издана без параграфа «Хунны – древнейшие тюркоязычные племена» с изъятием текста о китайском влиянии на предков чувашей (Дмитриев, 2004: 28).

Чувствуется, что часть главы тома «Чуваши» касательно этногенеза чувашей писалась Н.И. Воробьевым с трудом. В работе он опирается на собственную статью по данной теме, опубликованную в 1950 г. в журнале «Советская этнография» с отсылками на «мнение» И.В. Сталина. Возможно, ученый полагал, публикация в ведущем советском академическом журнале означала соот-

ветствие научных взглядов «правильной линии». После выхода монографии «Чуваши» (1956 г.), в которой доминировала концепция Н.И. Воробьева об автотонном, а по сути финно-угорском происхождении чувашей, началась работа над второй частью издания, посвященной духовной культуре народа. Она была опубликована в 1970 г. Между публикациями первого и второго томов «Чуваши» чувашские историки, языковеды и этнографы попытались переосмыслить концепцию Н.И. Воробьева. В результате в 1963 г. появилась монография В.Ф. Каховского «Происхождение чувашского народа» (последнее издание осуществлено в 2003 г.), в которой высказан однозначный вывод о болгаро-чувашской этногенетической, этноязыковой и этнокультурной преемственности.

Во втором томе «Чуваши» (1970 г.) В.Ф. Каховский практически подтвердил, опираясь на имевшиеся на тот период археологические материалы, тезисы Н.И. Воробьева о генетических связях предков чувашей с абашевскими племенами, которые «впоследствии вошли в состав населения городецкой культуры, а также явились одним из компонентов ананьинской культуры», а в V–VI вв. протекал процесс проникновения уже позднегородецкой культуры в бассейн р. Свияга» (Чуваши, 1970: 297–298).

Однако В.Ф. Каховский весьма критично отозвался о позиции Н.И. Воробьева по вопросу происхождения чувашей:

Следует отметить, что авторы «Чуваши», анализируя материальную культуру чувашей, приходят к выводу, что чувашская народность сложилась в результате слияния двух ее предков – финно-угорских и тюркских племен – в единый народ, при этом они играли якобы одинаковую роль. «По нашим взглядам, – пишут они в «Заключении», – чуваша сформировались в результате сближения местных племен, близких по языку и быту к соседним угро-финнам, и племен или народов тюркоязычных, бытовые особенности которых складывались не в лесном по преимуществу Среднем Поволжье, а в условиях, удобных для кочевого скотоводства и частично степного земледелия» (Каховский, 2003: 362). Далее В.Ф. Каховский с ударением подчеркивает: «Таким образом, заключают авторы книги (имеется ввиду том «Чуваши» – В.И.), этнографический анализ быта чуваш не дает никакого права считать чуваш чисто тюркской народностью. По их мнению, местные предки чувашей при сближении с булгарами получили от последних только основу языка, сохранив некоторые черты своего древнего языка, а быт и культура подверглись болгарскому влиянию якобы в меньшей степени (Чуваши, 1970: 363).

По твердому убеждению В.Ф. Каховского, тезис о двух основных предках чувашского народа не находит подтверждения в этнографическом материале, ибо материальная и духовная культура чувашей сложилась на базе болгарской культуры. Что касается влияния культур соседних народов на чувашей, то они имели лишь локальный характер. Например, влияние марийцев отчетливо про-

слеживается лишь в среде части верховых чувашей, главным образом в северо-западной подгруппе вирьялов (Каховский, 2003: 363).

Знаменательно, что Н.И. Воробьев, еще до начала сколько-нибудь серьезного изучения А.П. Смирновым и В.Ф. Каховским крупных археологических памятников болгарской эпохи, по крайней мере в юго-восточных районах Чувашии – Тигашевского и Большетоябинского городищ X–XIII вв. – пришел к однозначному выводу о том, что

почти до конца XIV столетия юго-восточная часть Чувашии и прилегающие к ней районы Татарии входили в состав крупного болгарского феодального княжества, по развитию хозяйства и культуры мало уступающего основным левобережным частям Булгарии. ... В юго-восточных поселениях встречается типичная болгарская посуда, сделанная на гончарном круге, и хорошего обжига, встречаются и другие многочисленные предметы, характерные для болгарских городищ того времени (Чуваши, 1956: 32).

Что касается физического типа чувашей, то здесь наблюдается много различий. Антрополог К.Ю. Марк пришла к выводу о том, что марийцы занимают промежуточное положение между мордвой и удмуртами, более приближаясь к последним. Исследовательница обнаружила у марийцев «большое сходство с чувашами», объясняя это участием марийцев в этногенезе чувашей, так и «тем, что марийцы, по всей вероятности, смешивались в некоторой степени с болгарями» (Димитриев, 2004: 104–105).

Главный вопрос заключается в том, почему у чувашей, несмотря на то, что они представляли результат тюркско-финно-угорской ассимиляции, болгарский язык закрепился, прочно сохранился и не поддавался влиянию финно-угорской языковой культуры. Наоборот, в чувашском языке совершенно ничтожным оказалось количество марийских заимствований. Вывод может быть только один: массив болгар, участвовавших в этногенезе чувашей, был, во-первых, количественно достаточно внушительным и, во-вторых, продолжал устойчиво сохранять в массовом сознании историко-культурную и языковую преемственность от болгарских предков.

Разногласица в вопросе этногенеза чувашей продолжает сохраняться по сей день. Главным дискуссионным вопросом была и остается проблема языка. Почему татарам, как полагают, прямым наследникам волжских болгар, не удалось сохранить болгарский Р-язык, а чувашам, которым ряд авторов отказывают в болгарском происхождении, это удалось? По нашему мнению, охранительную роль сыграло многовековое язычество чувашей. Молитвы, идущие из глубины веков, читались на языке предков. По-другому это и не могло происходить, поскольку по представлениям чувашей, молитвы не имели бы силу, а игнорирование родного языка рассматривалось как грех. Часть болгар, принявших ислам и мусульманские традиции, произнося молитвы на арабском языке,

в последующем став татарами и перейдя на «З»-язык, полностью потеряла основы болгарского языка. Арабографические надписи с чувашизмами на надгробных камнях XIII–XIV вв. теперь характеризуются как язык т.н. «койне». Объяснить, почему у чувашей сохранился болгарский язык, у казанских татар – нет, по-другому пока не удается.

Н.И. Воробьев практически не касается проблематики специфики языка чувашей. Для него главным основанием для суждений о происхождении чувашей служит материальная и отчасти духовная культура, которая имела очень много общего с марийской. Впрочем, традиционная татарская сельская материально-бытовая и хозяйственная жизнь так же особо сильно не отличалась от таковой у чувашских, марийских и удмуртских крестьян.

Проблема наследия языка волжских болгар до сих пор остается дискуссионной. Аргументированным является мнение о том, что на территории Болгарии функционировало два языка. Один из них – собственно болгарский, естественный – это язык огурского типа (тюркский язык с ротацизмом, ламбдаизмом и другими архаичными чертами). Он использовался какой-то частью болгарского населения и аристократии, возможно, в ритуальных (сакральных) целях. Об этом свидетельствуют надгробные эпитафии XIII–XIV вв. с территории Болгарии с текстами, написанными на этом языке арабской графикой. Окончательное исчезновение языка произошло в период Золотой Орды (втор. пол. XIV в.), причем под воздействием этнических процессов и экстралингвистических факторов (Татары, 2017: 84). Этот язык сохранился у чувашей.

В.Д. Димитриев осуществил подборку примеров языкового взаимодействия чувашей-болгар и финно-угров. Он отмечает, что еще в VIII–IX вв. в соседстве с болгарями в Прикамье жили венгры, переселившиеся на Дунай в конце IX столетия. От этого времени, по данным А. Рона-Таша, в венгерском языке сохранилось около 600 слов, сходных с чувашскими. В нем еще в 1912 г. З. Гомбоцем было обнаружено 230 чувашизмов. Такие слова, как «бык», «теленк», «свинья», «курица», «плуг» (*ака*), «серп», «мялка» в венгерском языке являются чувашскими. Можно утверждать, что уже в IX в. болгары были оседлым народом, занимавшимся земледелием и скотоводством. Венгерский лингвист Г. Берецки, составляя этимологический словарь марийского языка, насчитал 1500 чувашских слов. Финский лингвист М. Рясянен в 1920 г. обнаружил в марийском языке более 500 чувашских слов. Среди них относящихся к скотоводству – 30, земледелию – 37, к средствам передвижения – более 20, к строительной терминологии – 20, к ремеслам и домашней утвари – 50, к пище и приготовлению ее – 15, к одежде – 17, к общественному быту, религии – более 20, к названиям родства – около 10. В удмуртском языке выявлено около 500, коми языке – порядка 300 чувашских слов. То, что вошло в указанные языки, было у самих болгар. Чувашизмы свидетельствуют о большом прогрессивном влиянии болгарской цивилизации на финно-угорские народы (Димитриев, 2004: 75).

С указанным выводом перекликаются наблюдения Р.Г. Ахметьянова:

Общность лексики, духовной культуры у народов Среднего Поволжья совокупно с другими языковыми, этнографическими и прочими данными позволяет утверждать, что культура всех этих народов сложилась из двух генетических элементов – тюркского (возможно – тюрко-монгольского) и финно-угорского (у каждого народа в разных пропорциях). Финно-угорский культурный элемент больше представлен у мордвы, тюркский – у башкир. Из финно-угорских народов наибольшей долей тюркской примеси обладают марийцы, а из тюркских народов наибольшей долей финно-угорской примеси – чувашаи. При этом у марийцев и чувашей угадывается еще некая монгольская культурная струя, отсутствующая у других народов». Тюркские примеси в культуре марийцев – в основном результат их слияния с болгарами (Ахметьянов, 1981: 129; Димитриев, 2004: 105).

Касательно этногенеза чувашей Н.И. Воробьев был честен, не кривил душой. Слабой стороной в его выводах об автохтонном (не болгарском) происхождении этого народа была доминантная опора на сходство материальной культуры чувашей и марийцев. Это не удивительно, ибо ученый являлся крупным специалистом по этой части культур народов Среднего Поволжья. Н.И. Воробьев во многом прав, указывая на то, что чувашаи – народ гибридный.

Этническое взаимодействие болгаро-чувашей и горных марийцев чувашские историки и этнографы объясняют так: в правобережье пришельцы-чувашаи (т.е. болгары) вытеснили часть горных марийцев в левобережье, а другую часть ассимилировали путем брачных связей и совместного проживания. В результате образовалась этнографическая группа верховых (*вирьял*) чувашей, у которых в материальной культуре отчетливо закрепилось марийское влияние. Основная часть правобережных чувашей и все левобережные чувашаи, в наиболее чистом виде сохранившие болгарскую материальную и духовную культуру, составили группу низовых чувашей (*анатри*). Позднее, в правобережье, между верховыми и низовыми чувашами образовалась группа средненизовых (*анат енчи*) чувашей. Участие марийцев в этногенезе чувашей имело место быть, причем в приличном объеме.

Н.И. Воробьев был одним из видных специалистов по материальной культуре народов Среднего Поволжья. Его увлеченность этой темой довлекла над его размышлениями об этногенезе чувашей. Материальная культура чувашей и марийцев, по сути, не сильно отличающаяся друг от друга, подсказывала ему единое этническое происхождение этих народов.

На наш взгляд, одним из слабых мест в этнографических изысканиях Н.И. Воробьева по этнической истории чувашей является его игнорирование фактора многовекового (вплоть до конца XVIII – середины XIX вв.) функционирования у них языческой религии. Имеющиеся источники, а также труды

П.В. Денисова, А.А. Трофимова, А.К. Салмина и Е.А. Ягафовой позволяют утверждать, что дохристианская религия чувашей была явлением гораздо более сложным, чем обычно понимается под религией, и о ней нельзя судить как о фрагментарном, несистемном явлении. В специфических условиях дохристианской эпохи в истории чувашей языческая религия выступала не только средством удовлетворения духовных потребностей, но и выступала в качестве единственной этноконсолидирующей идеологии. В условиях территориальной рассеянности и постоянной угрозы отатаривания (вплоть до начала кампании насильственной христианизации сер. XVIII в.) принадлежность к язычеству являлась, наряду с языком, главным этническим маркером чуваш.

Вклад Н.И. Воробьева в изучение этнографии чувашского народа пока не оценен в полной мере. На уровне знаний о чувашах середины XX в. им была проделана колоссальная работа по освещению основных характеристик материальной культуры народа. Огромная заслуга ученого в том, что он практически явился первым исследователем, предпринявшим попытку изложения разных версий этногенеза чувашского народа. Своими «автохтоничными», «финно-угорскими» идеями по данной проблеме он в какой-то мере простимулировал к творчеству молодых чувашских историков – В.Ф. Каховского и В.Д. Дмитриева.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981.

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар (Опыт этнографического исследования). Казань: Дом татарской культуры, 1930. Т. II.

Воробьев Н.И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 66–78.

Воробьев Н.И. Казанские татары (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань: Татгосиздат, 1953.

Димитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваш. Чебоксары: Чув. НИИЯЛИЭ, 1984.

Димитриев В.Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004.

Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. 3-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003.

Мессарош Дюла. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИГН, 2000.

Никольский Н.В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004.

Петров М.П. (Тинехпи). О происхождении чуваш. Чебоксары, 1925.

Татары. 2-е изд. М.: Наука, 2017.

Третьяков П.Н. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных // Советская этнография. 1950. № 3. С. 44–53.

Трофимова Т.А. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // Советская этнография. 1950. № 3. С. 55–65.

Чуваши. Этнографическое исследование. Часть первая. Чебоксары: Чуваш. госиздат., 1956.

Чуваши. Этнографическое исследование. Часть вторая. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970.

Чуваши. История и культура. Историко-этнографическое исследование в двух томах. Том 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009.

Чуваши. М.: Наука, 2017.

REFERENCES

Akhmetyanov R.G. (1981) *General lexicon of the spiritual culture of the Middle Volga region peoples*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

The Chuvash (2017). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Dimitriev V.D. (2004) *Questions of ethnogenesis, ethnography and cultural history of the Chuvash people*. Collection of articles. Cheboksary: Chuvash University Publ. (In Russ.)

Dmitriev V.D. (1984) On the last stages of the ethnogenesis of the Chuvash. In: *The Bulgars and the Chuvash*. Cheboksary: Chuvash Research Institute of Language, Literature, History and Economics Publ. (In Russ.)

Kakhovsky V.F. (2003) *Origin of the Chuvash people*. 3rd ed. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (In Russ.)

Messaros Gyula (2000). *Monuments of the old Chuvash faith*. Cheboksary: ChGIGN Publ. (In Russ.)

Nikolskiy N.V. (2004) *Collected works in four volumes*. Vol. 1. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (In Russ.)

Petrov M.P. (Tinekhipi) (1925). *About the origin of the Chuvash*. Cheboksary. (In Russ.)

The Tatars (2017). 2nd ed. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

The Chuvash. An ethnographic study (1956). Part one. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (In Russ.)

The Chuvash. An ethnographic study (1970). Part two. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (In Russ.)

The Chuvash. History and culture. Historical and ethnographic study in two volumes (2009). Vol. 1. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (In Russ.)

Tretyakov P.N. (1950) The question of the origin of the Chuvash people in the light of archaeological data. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 3: 44–53. (In Russ.)

Trofimova T.A. (1950) Anthropological materials on the question of the origin of the Chuvash. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 3: 55–65. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1930) *Material culture of the Kazan Tatars (An ethnographic study)*. Vol. 2. Kazan: House of Tatar Culture Publ. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1950) Ethnogenesis of the Chuvash People based on ethnographic data. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 3: 66–78. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1953) *The Kazan Tatars: An ethnographic study of the material culture of the pre-October period*. Kazan: Tatgosizdat Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Иванов Виталий Петрович, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Московский пр., 29, корп. 1, Чебоксары, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0007-2097-9905>; e-mail: human2000@yandex.ru

About the author: Vitaly P. Ivanov, Doctor Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Fellow of the Ethnology Section of the historical direction, Chuvash State Institute of Humanities (29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary 428015, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0007-2097-9905>; e-mail: human2000@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 23.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised 6.09.2024

Принята к публикации / Accepted 9.09.2024